

Николай Стэф

Бездна-2

Николай Стэф

Бездна-2

«Автор»

2026

Стэф Н.

Бездна-2 / Н. Стэф — «Автор», 2026

Двадцать лет назад экипаж легендарного фрегата «Бездна» остановил флот Солийцев, но победа досталась ценой огромных жертв. Взрыв кристалла Тангри разбросал по галактике миллионы частиц, одна из которых навсегда изменила жизнь ещё не родившегося Одиссея. Теперь он — курсант лётного училища, скрывающий странную силу: его тело светится оранжевыми искрами, а энергия подчиняется ему. Когда новая война с Солийцами вспыхивает снова, Одиссей и его подруга Астра отправляются на экзамены в далёкую колонию, но их транспорт атакован. Крушение на пустынной планете, заставит пересмотреть всё во что они верили... Одиссей должен решить: скрываться или принять свою судьбу. Сможет ли он остановить врага? Станет ли его сила последней надеждой человечества? Впереди решающая битва. Но когда из тьмы появляется корабль древней вымершей расы Тангри, становится ясно: это только начало. «Бездна» возвращается — и наследие прошлого требует новой жертвы.

© Стэф Н., 2026

© Автор, 2026

Николай Стэф

Бездна-2

“Имеется только два способа жить:
когда ничего не является чудом или когда все вокруг чудо”.
Энштейн

Глава 1

Космос не прощает ошибок. Это аксиома, которую знает каждый, кто хоть раз покидал пределы родной планеты. Но есть истины более страшные — те, что не записывают в учебниках, не вдавливают в головы курсантов на экзаменах. Их познают через боль, через потери, через молчание, которое остаётся после того, как крики стихнут.

Старый транспортный корабль «Ласточка-7» полз сквозь бездну космоса, словно раненый зверь, который не хочет умирать. Его корпус, покрытый ржавчиной и следами микрометеоритных ударов, отражал свет далёких звёзд тускло, будто стыдясь своего возраста. Каждый шов, каждая заклёпка этого древнего судна хранили память о сотнях рейсов, о тысячах пассажиров, о надеждах и мечтах, которые когда-то летели на нём к новым мирам.

Сейчас на борту находилось триста сорок два колониста. Мужчины, женщины, дети — все они покинули Землю в поисках лучшей жизни. Война с Солийцами превратила голубую планету в поле боя, и те, кто мог, бежали. Бежали не от трусости, а от отчаяния. От желания сохранить жизнь своим детям, своим семьям, своей надежде на будущее.

Капитан «Ласточки-7», старый космический волк по имени Джордан Кейн, сидел в своём кресле и хмуро смотрел на показатели приборов. Седые волосы, морщинистое лицо, руки, покрытые шрамами от ожогов — он выглядел как человек, который видел слишком много, чтобы ещё чему-то удивляться. Но даже он чувствовал тревогу.

— Курс проходит слишком близко к зоне конфликта, — пробормотал он, постукивая пальцами по подлокотнику. — Кто вообще прокладывал этот маршрут?

— Навигационный отдел Земли, сэр, — ответил его первый помощник, молодой лейтенант с испуганными глазами. — Они сказали, что это самый безопасный путь.

— Безопасный, — фыркнул Кейн. — Безопасный, как прогулка по минному полю.

Он посмотрел на тактический дисплей. Красные точки — корабли Солийцев — мерцали в отдалении, словно хищники, ждущие своей добычи. Финальная битва за Землю должна была состояться где-то здесь, в этом секторе. Земной флот стягивал силы, Солийцы готовились к решающему удару. И где-то между ними, как слепой котёнок, полз старый транспорт с мирными колонистами.

— Может, стоит изменить курс? — осторожно предложил лейтенант.

— Уже поздно, — Кейн покачал головой. — Если мы отклонимся, то потеряем топливо. А без топлива мы просто превратимся в космический мусор. Нет, идём по плану.

Он не знал, что эти слова станут приговором для сотен людей.

В пассажирском отсеке, где рядами стояли тесные кресла, было душно и шумно. Люди разговаривали, дети плакали, кто-то пытался спать, кто-то молился. Воздух был пропитан запахом пота, страха и надежды — странная смесь, которая всегда сопровождает беженцев.

В третьем ряду от прохода сидели двое. Мужчина лет тридцати, крепкого телосложения, с тёмными волосами и добрыми глазами. Его звали Герих. Рядом с ним, прижавшись к его плечу, сидела женщина — Рейна. Ей было двадцать восемь, и она находилась на третьем месяце беременности.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Герих, осторожно касаясь её руки.

Рейна улыбнулась. Усталой, но искренней улыбкой.

— Как человек, который летит в ржавой консервной банке через половину галактики, — ответила она. — А ты?

— Как человек, который летит в ржавой консервной банке вместе с беременной женой, — усмехнулся Герих. — Разница только в уровне паники.

Рейна тихо рассмеялась и положила руку на живот. Третий месяц. Ещё совсем немного, но она уже чувствовала, как внутри неё растёт новая жизнь. Маленькое чудо, которое должно было появиться на свет в новой колонии, среди звёзд.

— Знаешь, — сказала она, — я всё время думаю о том, каким он будет.

— Он? — Герих поднял бровь. — А если девочка?

— Нет, я чувствую, что мальчик, — Рейна покачала головой. — Упрямый, сильный. Как ты.

— Тогда нам конец, — вздохнул Герих. — Два упрямых человека в одном доме. Это катастрофа.

— Зато весело, — Рейна улыбнулась и прижалась к нему сильнее.

Герих обнял её, чувствуя тепло её тела. Он вспомнил, как они познакомились — случайно, в очереди в магазине. Она потеряла документы, он помог ей их восстановить, так как у него были связи в бюро по выдаче документов, и он мог сделать это быстро. Через неделю они уже не могли друг без друга. Через месяц поженились. А ещё через два месяца узнали, что станут родителями.

— Слушай, — Герих наклонился к её уху, — а помнишь, как мы выбирали билеты на этот корабль?

— Конечно, — Рейна усмехнулась. — Ты сказал, что «Ласточка-7» — это надёжное судно.

— Ну, я немного преувеличил, — признался Герих.

— Немного? — Рейна обвела рукой вокруг. — Герих, этот корабль выглядит так, будто его собирали из запчастей от трёх разных эпох.

— Зато дёшево и быстро — пожал плечами Герих.

— Дёшево? — Рейна фыркнула. — Мы потратили почти все наши сбережения!

— Зато мы летим первым классом, — Герих широко улыбнулся.

Рейна посмотрела на тесное кресло, на обшарпанные стены, на мигающую лампочку над головой.

— Это первый класс? — спросила она с сарказмом.

— Ну, — Герих задумался, — если сравнивать с грузовым отсеком, то да.

Рейна рассмеялась. Смех был искренним, тёплым, и он на мгновение разогнал тьму, которая сгущалась вокруг.

— Ты невозможен, — сказала она.

— Но ты меня любишь, — Герих подмигнул.

— Люблю, — согласилась Рейна. — Не знаю почему, но люблю.

Они замолчали, наслаждаясь близостью. Вокруг них гудели голоса других пассажиров, кто-то спорил о политике, кто-то играл с детьми, кто-то просто смотрел в иллюминатор на бесконечную черноту космоса.

— Герих, — тихо позвала Рейна.

— М?

— А ты веришь, что мы найдём свой дом?

Герих задумался. Он смотрел на жену, на её глаза, в которых светилась надежда и страх. Он знал, что должен сказать что-то ободряющее, что-то, что даст ей силы.

— Я верю, — сказал он наконец. — Я верю, что мы найдём планету, где сможем построить дом. Где наш сын будет играть в траве, где мы будем встречать рассветы вместе. Я верю, Рейна.

Она улыбнулась и поцеловала его в щёку.

— Спасибо, — прошептала она. — Мне нужно было это услышать.

Герих кивнул и прижал её к себе. Он не сказал ей, что тоже боится. Что каждую ночь он просыпается от кошмаров, в которых видит, как их корабль взрывается, как он теряет её, как всё, что они строили, рушится в один миг.

Он не сказал ей этого, потому что знал — иногда надежда важнее правды.

Прошло несколько часов. Пассажиры постепенно успокоились, многие спали. Герих дремал, положив голову на спинку кресла. Рейна смотрела в иллюминатор, наблюдая за звёздами.

Она думала о будущем. О том, как будет выглядеть их новый дом. О том, каким будет их сын. О том, как они будут жить в мире, где нет войны, где нет страха, где есть только любовь и спокойствие.

Она не знала, что этому не суждено сбыться.

Внезапно космос озарился вспышкой.

Это было не обычное свечение звезды. Это было нечто иное — яркое, ослепительное, почти божественное. Свет заполнил весь иллюминатор, и Рейна инстинктивно зажмурилась.

— Герих! — крикнула она, тряся мужа за плечо. — Герих, проснись!

Он открыл глаза и сразу увидел свет. Он был настолько ярким, что, казалось, проникал сквозь стены корабля, сквозь кожу, сквозь кости.

— Что это? — прошептал он.

— Не знаю, — Рейна смотрела на вспышку, не в силах отвести взгляд. — Это похоже на... на рождение звезды.

Вспышка становилась всё ярче. Она росла, расширялась, заполняя собой всё пространство. Пассажиры начали просыпаться, кричать, паниковать.

— Что происходит?! — кричал кто-то.

— Это Солийцы! — вопил другой голос. — Они атакуют!

— Нет, — прошептал Герих, глядя на вспышку. — Это не атака. Это что-то другое.

Он был прав. Это было уничтожение огромного кристалла — главного оружия Солийцев. Земной флот нанёс решающий удар, и теперь энергия кристалла высвобождалась в космос.

Но эта энергия не исчезла. Она превратилась в миллионы невидимых частиц, которые разлетелись во все стороны со скоростью, превышающей скорость света.

И одна из этих волн направлялась прямо к «Ласточке-7».

— Капитан! — закричал лейтенант, глядя на показатели сканеров. — Обнаружена волна неизвестной энергии! Она приближается к нам!

— Размер? — отрывисто спросил Кейн.

— Огромный! Она накроет нас через тридцать секунд!

— Защитные поля!

— Они не выдержат, сэр! Энергия слишком мощная!

Кейн сжал зубы. Он знал, что это конец. Он знал, что старый транспорт не выдержит такого удара. Но он не собирался сдаваться без боя.

— Всем пассажирам! — закричал он в громкоговоритель. — Немедленно занять места! Пристегнуть ремни! Готовьтесь к удару!

В пассажирском отсеке началась паника. Люди кричали, плакали, молились. Кто-то пытался бежать, но бежать было некуда.

Герих схватил Рейну за руку.

— Держись за меня! — крикнул он. — Не отпускай!

— Что происходит?! — Рейна смотрела на него с ужасом.

— Не знаю, но мы выживем! — Герих пристегнул её ремнём, а затем пристегнулся сам.
— Слышишь? Мы выживем!

Волна настигла корабль.

В первый момент ничего не произошло. Просто тишина. А затем...

Металл застонал. Корпус корабля задрожал, словно от удара гигантского молота. Свет мигнул и погас. Системы начали отказывать одна за другой.

А затем пришли частицы.

Миллионы, миллиарды невидимых глазу частиц кристалла проникли сквозь обшивку корабля. Они были настолько малы, что не оставляли видимых отверстий, но их было так много, что они действовали, как дробь, выпущенная из гигантского ружья.

Люди начали умирать.

Первой была женщина в пятом ряду. Она вскрикнула, схватила за грудь и затихла. Затем мужчина в десятом ряду. Затем ребёнок. Затем ещё один. И ещё. И ещё.

Частицы впивались в кожу, проникали в мышцы, пробивали внутренние органы. Они не оставляли ран, но убивали мгновенно. Люди падали, как скошенная трава, не понимая, что происходит.

— Герих! — Рейна смотрела на умирающих вокруг неё людей, и её охватывал ужас. — Герих, что происходит?!

Он не ответил. Он не видел, как частицы приближаются к ним. Зато он видел, как пассажиры начинают умирать и он знал, что нужно делать.

— Рейна, — сказал он тихо, — я люблю тебя.

— Что? — она посмотрела на него, не понимая.

— Я люблю тебя, — повторил он. — И нашего сына. Помни это.

А затем он закрыл её своим телом.

Герих был большим мужчиной. Сильным. Он занимался спортом, работал на стройке, мог поднять двести килограммов без особого напряжения. Но сейчас его сила была не в мышцах. Его сила была в любви.

Он закрыл Рейну собой, приняв на себя основной удар. Частицы кристалла впивались в его спину, проникали в лёгкие, в сердце, в мозг. Боль была невыносимой — словно тысячи игл одновременно вонзались в его тело.

Но он не двигался. Он не кричал. Он просто держал Рейну, прижимая её к себе, защищая от смерти.

— Герих... — прошептала Рейна, чувствуя, как его тело содрогается.

— Всё хорошо, — выдавил он сквозь зубы. — Всё хорошо.

Он лгал. Он знал, что умирает. Чувствовал, как жизнь покидает его тело, как тьма подступает к сознанию. Но он не мог позволить себе умереть, пока не убедится, что она в безопасности.

Вокруг них умирали люди. Крики стихали, сменяясь тишиной. Триста сорок два колониста. Мужчины, женщины, дети. Все они погибали, не понимая, почему.

Рейна видела это. Видела, как жизнь покидает тела, как глаза стекленеют, как лица застывают в масках ужаса. И она кричала. Кричала от боли, от отчаяния, от бессилия.

— Герих! — кричала она. — Герих! Пожалуйста!

Он не отвечал. В какой-то момент, его тело обмякло, руки разжались. Он сделал всё, что мог.

Рейна почувствовала, как что-то острое вонзается в её бок. Частицы кристалла. Они проникли глубоко в её тело.

Боль была страшной. Рейна закричала, но крик застрял в горле. Тьма подступала к ней, затягивая в свои объятия.

Последнее, что она увидела, было лицо Гериха. Спокойное, умиротворённое. Он умер, спасая её. Спасая их сына.

А затем она потеряла сознание.

Корабль «Бездна» появился из гиперпространства через несколько секунд после взрыва. Его капитан, Гриф, был ветераном войны, человеком, который видел слишком много смертей, чтобы ещё чему-то удивляться.

Но то, что он увидел сейчас, заставило его вздрогнуть.

— Что за... — прошептал он, глядя на экран.

Прямо перед ними дрейфовал старый транспортный корабль. Его корпус был покрыт странным налётом, словно изнутри его пронзили миллионы невидимых игл. Системы корабля отказывали одна за другой, из пробоин вырывались струи воздуха.

— Сканеры показывают... — оператор запнулся. — Показывают, что на борту почти нет живых.

— Почти? — Гриф поднял бровь.

— Один сигнал. Слабый, но есть. В пассажирском отсеке.

Гриф сжал кулаки. Он знал, что это значит. Кто-то выжил. Один человек из всего экипажа.

— Подвести нас ближе, — приказал он. — Активировать защитное поле. Оно должно отразить остатки частиц.

— Есть, сэр!

«Бездна» медленно приблизилась к повреждённому транспорту. Защитное поле вспыхнуло, создавая барьер между кораблями. Частицы кристалла, которые всё ещё дрейфовали в космосе, отразились от поля и улетели прочь.

— Сканеры показывают, что выживший — женщина, — доложил оператор. — Она беременна. Сигнал слабый, но стабильный.

Гриф нахмурился. Беременная женщина. Единственная выжившая среди сотен погибших. Это было чудом. Или проклятием.

— Отправить спасательную команду, — приказал он. — И подготовить медицинский отсек. Мы доставим её на Землю.

— Есть, сэр!

Гриф смотрел на экран, на разрушенный корабль. Он видел много смертей. Но эта — смерть мирных людей, колонистов, которые просто хотели найти новый дом — была особенно тяжелой.

— Что здесь произошло? — пробормотал он.

Он не знал тогда, что стал свидетелем рождения легенды.

Рейна очнулась в больнице.

Белый потолок. Яркие лампы. Запах антисептика. Тишина, нарушаемая лишь писком медицинских приборов.

Она лежала на кровати, опутанная проводами и трубками. Тело болело, словно её переехал грузовик. В голове была пустота, словно кто-то стёр её память.

Она попыталась вспомнить, что произошло. Вспышка. Крики. Герих, закрывающий её своим телом. Тьма.

— Герих... — прошептала она.

Рядом появилась медсестра. Молодая женщина с усталыми глазами и доброй улыбкой.

— Вы очнулись, — сказала она. — Хорошо. Мы уже начали волноваться.

— Где мой муж? — Рейна посмотрела на неё с надеждой. — Где Герих?

Медсестра замялась. Её улыбка исчезла, сменившись выражением боли.

— Мне нужно позвать врача, — сказала она и быстро вышла.

Рейна осталась одна. Она смотрела на закрытую дверь, и в её груди росло холодное чувство. Что-то было не так. Что-то было очень не так.

Через несколько минут пришёл врач. Пожилой мужчина с седыми волосами и усталыми глазами. Он сел рядом с её кроватью и взял её за руку.

— Миссис Рейна, — начал он тихо. — Я должен сообщить вам кое-что.

— Где мой муж? — повторила она. — Он жив?

Врач молчал. Молчание было красноречивее любых слов.

— Мне очень жаль, — сказал он наконец. — Ваш муж погиб. Он спас вас, закрыв своим телом от частиц природу которых мы не понимаем.

Рейна не заплакала. Она просто смотрела на врача, и в её глазах была пустота. Абсолютная, всепоглощающая пустота.

— Нет, — сказала она. — Этого не может быть. Он обещал. Он обещал, что мы будем вместе.

— Мне очень жаль, — повторил врач.

Рейна закрыла глаза. Слезы потекли по её щекам, но она не издала ни звука. Она просто лежала, и мир вокруг неё рушился.

— Ваш ребёнок, — продолжил врач, — он жив. Несмотря на всё, он жив. Это чудо.

Рейна открыла глаза. Ребёнок. Их сын. Часть Гериха, которая осталась с ней.

— Он... он здоров? — прошептала она.

Врач замаялся. Это была не та реакция, которую ожидала Рейна. Она почувствовала, как холодный страх снова сжимает её сердце.

— Есть кое-что, — сказал врач. — Частицы не известной нам природы. Они попали в ваше тело. Не все удалось извлечь. Некоторые проникли слишком глубоко.

— Что это значит? — Рейна смотрела на него с ужасом. — Это опасно?

— Мы не знаем, — честно ответил врач. — Мы никогда не сталкивались с таким. Эти частицы, похожи на микроскопические кристаллы... они обладают неизвестными свойствами. Мы не знаем, как они повлияют на вас или на вашего ребёнка.

Рейна положила руку на живот. Под её ладонью билась новая жизнь. Жизнь, которая теперь была связана с чем-то неизвестным, с чем-то опасным.

— Но ребёнок... он будет жить? — спросила она.

— Мы сделаем всё возможное, — сказал врач. — Но я не могу давать гарантий.

Рейна кивнула. Она посмотрела в окно, на звёзды, которые мерцали вдалеке. Где-то там, среди этих звёзд, теперь был её муж.

Глава 2

Боль была невыносимой.

Рейна кричала, сжимая руки медсестры, которая поддерживала её в родильном зале. Врачи сутились вокруг, их лица были напряжёнными, голоса — отрывистыми. Что-то шло не так.

— Дышите, миссис Рейна! — командовал врач. — Глубокий вдох, теперь выдох!

Рейна пыталась следовать инструкциям, но боль перекрывала всё. Она чувствовала, как её тело разрывается изнутри, как что-то тёмное и горячее пульсирует в её животе. Это были не только схватки.

Частицы кристалла Солийцев, которые остались в её теле, начали реагировать на роды. Они пульсировали, светились под кожей, словно маленькие звёзды, пытающиеся вырваться наружу.

— Что происходит?! — кричала Рейна. — Что с моим ребёнком?!

— Мы не знаем! — честно ответил врач. — Но мы сделаем всё возможное!

Мониторы бешено пищали. Сердцебиение ребёнка то ускорялось, то замедлялось. Каждый раз, когда кристаллы в теле Рейны пульсировали, реагируя на медицинское оборудование, ребёнок реагировал тоже — его крошечное тело изгибалось, словно пытаясь избежать чего-то невидимого.

— Ещё раз! — крикнул врач. — Тужьтесь!

Рейна собрала все силы. Она думала о Герихе. О его лице, о его голосе, о его обещании, что они будут вместе. Она думала о ребёнке, который должен был родиться, несмотря ни на что.

Она тужилась изо всех сил.

И тогда это случилось.

Комната озарилась ярким светом. Кристаллы в теле Рейны вспыхнули одновременно оранжевым огнём, создавая волну энергии, которая прошла через всё её тело. Мониторы взорвались искрами, лампы замигали, а затем...

Тишина.

А потом — крик.

Громкий, пронзительный, полный жизни.

— Мальчик! — объявил врач, держа на руках крошечное существо. — Здоровый мальчик!

Рейна откинулась на подушку, тяжело дыша. Слёзы текли по её щекам — слёзы боли, слёзы облегчения, слёзы счастья.

— Дайте мне его, — прошептала она. — Дайте мне моего сына.

Медсестра положила ребёнка на грудь Рейны. Маленькое, тёплое, живое. Он смотрел на неё своими глазами — глазами Гериха. Тёмными, добрыми, полными жизни.

— Одиссей, — прошептала Рейна. — Я назову тебя Одиссей.

Она выбрала это имя не случайно. Одиссей — герой древних легенд, человек, который прошёл через множество испытаний, но вернулся домой. Человек, который не сдался, несмотря ни на что.

— Ты будешь героем, — сказала она, целуя сына в лоб. — Как твой отец. Как твой народ. Ты будешь героем.

Ребёнок заплакал, и Рейна улыбнулась. Это был первый звук, который она услышала от своего сына. Первый из многих.

Она не знала, что ждёт его впереди. Не знала, что кристаллы в его теле дадут ему силу, о которой он даже не подозревает. Не знала, что однажды он станет тем, кто изменит ход истории.

Она просто держала его на руках и любила.

Этого было достаточно.

Прошло двадцать лет.

Станция «Аврора» была одной из сотен окраинных станций, разбросанных по галактике. Она представляла собой нагромождение металлических модулей, соединённых между собой переходами и трубами. Ржавые стены, мигающие лампы, вечный запах машинного масла и переработанного воздуха — вот что такое «Аврора».

Здесь жили те, кто не мог позволить себе лучшего. Те, кто бежал от войны, от нищеты, от прошлого. Те, кто просто хотел выжить.

Среди них была и Рейна.

Она работала техником в гидропонном отсеке, выращивая растения для продовольствия станции. Работа была тяжёлой, но она не жаловалась. Она привыкла к тяжёлой работе. Одной растить сына было очень не просто.

Одиссей рос здесь, среди металлических коридоров и искусственного света. Он был обычным мальчиком — худым, темноволосым, с глазами, которые всегда смотрели на звёзды.

Но были и странности.

Первая странность проявилась в пять лет.

Одиссей играл в своей комнате — маленьком отсеке, где стояли кровать, стол и ящик с игрушками. У него была любимая машинка — маленький грузовик, который он катал по полу.

Однажды батарейки в машинке сели. Одиссей расстроился — он не мог найти новых. Он сидел на полу, держал машинку в руках и думал, что делать.

И тогда это произошло.

Он почувствовал, как что-то тёплое и пульсирующее поднимается из его груди, проходит через руки и вливается в машинку. Машинка задрожала, а затем поехала.

Одиссей уставился на неё широко раскрытыми глазами. Он не понимал, что произошло. Он просто смотрел, как машинка ездит по комнате, словно ожившая.

— Одиссей! — голос матери заставил его вздрогнуть. — Что ты делаешь?

Он обернулся. Рейна стояла в дверях, и её лицо было белым, как мел.

— Мама, — сказал Одиссей, — машинка поехала! Я не знаю почему!

— Я просто подумал, и она починилась.

Рейна подошла к нему, взяла машинку и внимательно осмотрела её. Батарейки были мертвы. Но машинка ехала.

— Одиссей, — сказала она тихо, — как ты это сделал?

— Я не знаю, — ответил он. — Я просто... почувствовал что-то. И оно поехало.

Рейна закрыла глаза. Она знала, что это значит. Кристаллы. Они проявились.

— Одиссей, слушай меня внимательно, — сказала она, присев перед ним на корточки. — Ты никогда, слышишь, никогда не должен делать этого снова. Понял?

— Но почему? — Одиссей не понимал. — Это же здорово!

— Это опасно, — сказала Рейна. — Очень опасно. Люди не поймут. Они испугаются. И тогда... тогда они могут сделать что-то плохое.

— Что плохое? — спросил Одиссей.

— Они могут забрать тебя у меня, — ответила Рейна. — И я не смогу тебя защитить.

Одиссей посмотрел на мать. В её глазах был страх. Настоящий, глубокий страх. Он не понимал, почему она боится, но он видел, что это важно.

— Хорошо, мама, — сказал он. — Я обещаю. Я не буду больше.

Рейна обняла его и прижала к себе. Она чувствовала, как его маленькое сердце бьётся рядом с её сердцем. Она думала о Герихе, о его жертве, о той ночи, когда всё изменилось.

Она думала о том, что будет дальше.

В семь лет Одиссей поджёг занавеску.

Это произошло случайно. Он играл с игрушечным космическим кораблём, представляя, что летит к звёздам. Он был так увлечён, что не заметил, как его руки начали светиться.

Энергия вырвалась наружу — маленькая искра, которая попала на занавеску. Ткань вспыхнула мгновенно.

— Мама! — закричал Одиссей, отпрыгивая назад. — Мама, пожар!

Рейна прибежала на крик. Она увидела горящую занавеску, увидела испуганного сына и поняла, что произошло.

Она схватила одеяло и набросила его на огонь, сбивая пламя. Через несколько секунд пожар был потушен, но занавеска превратилась в обугленные лохмотья.

Рейна села на пол и заплакала.

— Мама, — Одиссей подошёл к ней, — мама, прости меня. Я не хотел.

— Я знаю, — прошептала Рейна, обнимая его. — Я знаю, что ты не хотел.

Она плакала долго. Одиссей сидел рядом, не понимая, что происходит. Он просто держал мать за руку и ждал.

Наконец Рейна успокоилась. Она вытерла слёзы и посмотрела на сына.

— Одиссей, — сказала она, — помнишь, я говорила тебе, что ты особенный?

— Помню, — кивнул он.

— Твоя особенность... она может принести беду. Не потому, что ты плохой. А потому, что люди боятся того, чего не понимают.

— Но почему они боятся? — спросил Одиссей.

— Потому что они не такие, как ты, — ответила Рейна. — Они не могут делать то, что делаешь ты. И это их пугает.

Одиссей задумался. Он не хотел, чтобы его боялись. Он хотел, чтобы у него были друзья, чтобы с ним играли, чтобы его любили.

— Что мне делать? — спросил он.

— Прятать свою силу, — сказала Рейна. — Не показывать её никому. Никогда.

— Даже тебе? — спросил Одиссей.

— Мне можно, — Рейна улыбнулась. — Я твоя мама. Я всегда буду на твоей стороне.

Одиссей кивнул. Он тогда понял окончательно, что он должен был прятаться. Должен был быть незаметным.

Он обещал матери, что будет скрывать свою силу.

И он сдержал обещание.

Школа на станции «Аврора» была маленькой и тесной. Тридцать детей разного возраста сидели в одном классе, слушая учителя, который сам едва понимал, что преподаёт.

Одиссей старался быть незаметным. Он сидел на задней парте, не поднимал руку, не вызывался отвечать. Он просто слушал, запоминал и ждал, когда закончится день.

Но иногда его сила проявлялась сама собой, несмотря на все его предосторожности.

Это случилось на уроке физкультуры. Дети играли в мяч — старую игру, которую придумали ещё на Земле. Одиссей стоял в стороне, стараясь не привлекать внимания.

Мяч полетел в него. Быстро, неожиданно. Одиссей инстинктивно выставил руку, и в тот же момент вокруг его ладони вспыхнул маленький энергетический щит.

Мяч ударился о щит и отлетел. Он полетел так далеко, что перелетел через всё поле и скрылся за ограждением.

Все замерли.

— Что это было? — спросил кто-то.

— Ветер, — быстро сказал Одиссей. — Просто ветер. Да, ветер подхватил мяч и унёс его.

— Но ветра нет, — возразил один из учеников.

— Значит, был, — отрезал учитель, который поддержал версию Одиссея. — Всё, продолжаем урок, некогда болтать.

Одиссей стоял, не двигаясь. Его сердце колотилось. Он почти выдал себя. Почти.

После урока учитель подошёл к нему.

— Одиссей, — сказал он тихо, — что это было?

— Я не знаю, — ответил Одиссей. — Я просто... выставил руку.

Учитель посмотрел на него долгим взглядом. Затем вздохнул.

— Будь осторожнее, со своей интересной техникой отбивания мячей — сказал он.

— Хотя я вижу в тебе большой потенциал с таким ударом.

— Может запишешься в секцию?

— Нет спасибо, — ответил Одиссей, он то ведь понимал, что дело не в технике удара.

— Ну как знаешь, — сказал ему учитель и отошел к другим ученикам.

Одиссей кивнул. Он понял, что учитель не поверил в историю с ветром. Но он также понял, что учитель не собирается ничего делать. Он просто хотел, чтобы всё оставалось тихо.

Вечером Рейна узнала о случившемся. Она выслушала Одиссея молча, а затем приняла решение.

— Я переведу тебя на домашнее обучение, — сказала она.

— Но почему? — Одиссей расстроился. — Мне нравится в школе!

— Слишком опасно, — ответила Рейна. — Ты почти выдал себя. В следующий раз может быть хуже.

— Но я не хочу быть один! — воскликнул Одиссей.

— Ты не будешь один, — Рейна обняла его. — Я буду с тобой. Я буду учить тебя сама.

Одиссей вздохнул. Он не хотел домашнего обучения. Он хотел быть как все. Но он знал, что мать права. Он был не как все. И это было опасно.

— Хорошо, — сказал он. — Я согласен.

Рейна улыбнулась и поцеловала его в лоб.

— Всё будет хорошо, — сказала она. — Я обещаю.

Домашнее обучение началось со странного.

Рейна не стала учить Одиссея математике или истории. Вместо этого она села с ним на пол, скрестив ноги, и сказала:

— Закрой глаза.

— Зачем? — спросил Одиссей.

— Просто закрой, — ответила Рейна. — И слушай меня.

Одиссей закрыл глаза. Он слышал, как мать дышит, как гудит станция, как где-то далеко играет музыка.

— Представь, что твоя сила — это река, — сказала Рейна. — Она течёт внутри тебя. Ты не можешь остановить её. Но ты можешь научиться управлять её течением.

— Как? — спросил Одиссей.

— Дыши, — ответила Рейна. — Медленно. Глубоко. Чувствуй, как воздух входит в твоё тело и выходит из него.

Одиссей дышал. Медленно, глубоко. Он чувствовал, как что-то внутри него начинает успокаиваться. Что-то, что всегда было натянутым, как струна, начинало расслабляться.

— Хорошо, — сказала Рейна. — Теперь представь, что ты направляешь эту реку. Не даёшь ей вырваться наружу. Держишь её внутри.

Одиссей представил. Он видел реку энергии, которая течёт через его тело. Он видел, как она пульсирует, как пытается вырваться. И он держал её. Держал крепко.

— Молодец, — сказала Рейна. — Теперь открой глаза.

Одиссей открыл глаза. Он чувствовал себя... спокойным. Впервые за долгое время он чувствовал себя спокойным.

— Что это было? — спросил он.

— Медитация, — ответила Рейна. — Так ты научишься контролировать свою силу. Не прятать её, а управлять ею.

— Это поможет? — спросил Одиссей.

— Поможет, — кивнула Рейна. — Но нужно практиковаться. Каждый день.

Одиссей кивнул. Он был готов практиковаться. Он хотел контролировать свою силу. Он хотел быть нормальным.

Они занимались каждый день. Медитация стала частью его жизни. Он учился дышать, учился чувствовать свою энергию, учился управлять ею.

И постепенно он научился.

Когда Одиссею исполнилось десять, Рейна купила ему перчатки.

— Зачем? — спросил он, вертя их в руках. — Они мне не нужны.

— Нужны, — ответила Рейна. — Ты должен носить их постоянно.

— Но почему? — Одиссей не понимал. — Они неудобные!

— Они скрывают твои руки, — сказала Рейна. — Когда ты используешь свою силу, твои руки светятся. Перчатки скроют это.

Одиссей посмотрел на свои руки. Он вспомнил, как они светились, когда он поджёт занавеску. Вспомнил, как свет пугал его самого.

— Хорошо, — сказал он.

С того дня он никогда не снимал перчатки, когда был на людях.

Он знал, что однажды придёт день, когда ему придётся использовать эту силу. И он хотел быть готовым.

Одиссею было двенадцать, когда он смог в полной мере почувствовать, что может его сила, спящая в его теле.

Это случилось на нижних уровнях станции, куда он иногда спускался, чтобы побыть один. Там было темно и тихо, и никто не задавал вопросов.

Он услышал крик. Не человеческий — кошачий. Пронзительный, полный ужаса.

Одиссей побежал на звук. Он нашёл старый склад, который был охвачен огнём. Пламя вырывалось из вентиляционных шахт, дым заполнял коридор.

А внутри, за огненной стеной, была кошка. Маленькая, рыжая, испуганная. Она кричала, пытаясь найти выход.

Одиссей не думал. Он просто действовал.

Он протянул руки, и энергия потекла через них. Но это была не искра, не вспышка. Это было что-то другое. Что-то более тонкое.

Он не погасил огонь. Он заставил его расступиться.

Пламя отступило, образуя коридор. Одиссей шагнул в него, схватил кошку и выбежал наружу.

Огонь сомкнулся за его спиной, но он уже был в безопасности.

Он сел на пол, держа кошку на руках. Она дрожала, но была жива. Она смотрела на него своими зелёными глазами, и в этих глазах было что-то странное.

Благоговение.

Кошка смотрела на него, как на бога.

— Всё хорошо, — прошептал Одиссей, глядя её. — Ты в безопасности.

Кошка мурлыкнула и прижалась к нему. Одиссей улыбнулся.

Он не знал, что кто-то видел его. Не знал, что старая женщина, живущая на нижних уровнях, наблюдала за ним из тени. Она видела, как он управлял огнём. Видела, как пламя подчинялось ему.

Но она ничего не сказала. Она просто кивнула и ушла.

Иногда теплыми вечерами, когда они были вдвоём с мамой, Одиссей часто спрашивал про отца.

— Мама, — спрашивал он, — а какой был папа?

Рейна всегда замирала. Она смотрела на сына, и в её глазах появлялась боль.

— Твой отец был героем, — отвечала она. — Он спас нас.

— Как он спас нас? — не унимался Одиссей.

— Он... — Рейна замолкала. — Он закрыл нас собой. От опасности.

— Какой опасности? — Одиссей смотрел на неё с любопытством.

— Это долгая история, — говорила Рейна. — Обещаю, я расскажу тебе позже.

Одиссей вздыхал и уходил. Он не понимал, почему мать не хочет говорить о прошлом. Он не понимал, что она боится. Боится, что правда ранит его. Боится, что он возненавидит её за то, что она скрывала.

Но он не знал, что она также боится другого. Боится, что, если он узнает правду, он захочет уйти. Захочет найти своё место в мире. Захочет стать тем, кем должен быть.

А она не была готова его отпустить, но это было неизбежно.

Одиссей мечтал о космосе.

Он читал всё, что мог найти о звёздах, о планетах, о кораблях. Он знал наизусть историю «Бездны», легендарного фрегата, который внёс решающий вклад в победу над Солийцами.

Он читал о капитане Грифе — суровом, но справедливом командире, который вёл «Бездну» через самые опасные сражения. Читал о его помощнике Рике — молодом, дерзком, но гениальном инженере, который стал правой рукой капитана.

Он читал о команде «Бездны» — людях, которые не боялись смерти, которые сражались за свободу, которые стали героями.

И он мечтал.

— Мама, — сказал он однажды, — я хочу быть как капитан Гриф или как его помощник Рик.

Рейна посмотрела на него. В её глазах была гордость и страх.

— Ты можешь быть кем захочешь, — сказала она. — Но помни: быть героем — это не только слава. Это ответственность. Это жертва.

— Я готов, — сказал Одиссей.

Рейна улыбнулась. Она видела в нём Гериха. Видела его решимость, его доброту, его готовность жертвовать собой.

— Тогда ты должен учиться, — сказала она. — Учиться всему, что может пригодиться.

— Я буду, — пообещал Одиссей. — Я буду учиться. И однажды я попаду на «Бездну».

— Может быть, — сказала Рейна. — Всё может быть.

— Она видела в его глазах этот тот самый юношеский максимализм и улыбалась.

Одиссей смотрел на звёзды через иллюминатор. Он видел бесконечность космоса, полную тайн и приключений. Он видел своё будущее.

Когда он закрывал глаза, то видел себя на мостике «Бездны». Видел, как он отдаёт приказы, как он сражается, как он побеждает.

Он видел себя героем.

Он просто мечтал.

И этого было достаточно.

Одиссей и сам не заметил, как он вырос в высокого, сильного мужчину. Его глаза были тёмными, как у отца, а волосы — густыми и непослушными. Он всё ещё носил перчатки, но теперь это было привычкой, а не необходимостью.

Он научился контролировать свою силу. Научился прятать её. Научился быть незаметным.

Но он всё ещё не знал правды.

В день его двадцатилетия Рейна позвала его в свою комнату. Она выглядела усталой, постаревшей. Двадцать лет тяжёлой работы и постоянного страха оставили свой след.

— Одиссей, — сказала она, — я должна рассказать тебе кое-что.

— Что? — спросил он.

— О твоём отце, — ответила Рейна. — О том, что произошло. О том, почему ты такой, какой есть. Я вижу, пришло время тебе всё рассказать.

Одиссей замер. Он ждал этого разговора много лет.

— Расскажи, — сказал он.

Рейна начала говорить. Она рассказала о войне, той страшной, что была 20 лет назад, о корабле колонистов, о вспышке кристалла. Рассказала о Герихе, о его жертве, о том, как он закрыл её своим телом.

Рассказала о частицах кристалла, которые попали в её тело. О том, как они повлияли на Одиссея. О том, почему он может управлять энергией.

Одиссей слушал молча. Он не перебивал. Он просто впитывал каждое слово.

— Почему ты не рассказала мне раньше? — спросил он, когда она закончила.

— Прости меня, — прошептала она. — Прости, что скрывала.

— Всё хорошо, — ответил Одиссей.

Он посмотрел на свои руки. На перчатки, которые скрывали его силу. На энергию, которая текла внутри него.

— Я тоже тебе должен признаться, — сказал Одиссей.

— Я хочу поступить в лётное училище, — Я хочу стать пилотом.

Рейна посмотрела на него. В её глазах был страх и гордость.

— Ты уверен? — спросила она.

— Да, — ответил Одиссей. — Я хочу быть достойным памяти отца.

Рейна вздохнула. Она знала, что не может его удержать. Он был взрослым. Он был сыном своего отца.

— Тогда иди, — сказала она. — И помни: я всегда буду ждать тебя.

Глава 3

Одиссей покинул станцию «Аврора» в шестнадцать лет.

Это было утро. Серое, искусственное утро, которое на станции никогда не отличалось от ночи. Рейна стояла у шлюза, держа в руках небольшой свёрток — еду, которую она приготовила для сына в дорогу.

— Ты уверен, что хочешь этого? — спросила она, хотя знала ответ.

— Да, мама, — ответил Одиссей. — Я уверен.

Он смотрел на мать, и в его глазах была решимость. Та же решимость, что была у Гериха.

— Лётное училище на Церере, — сказала Рейна. — Это далеко. Ты не сможешь приезжать часто.

— Я знаю, — Одиссей кивнул. — Но это мой шанс. Мой шанс стать кем-то.

Рейна вздохнула. Она знала, что не может его удержать. Он был взрослым.

— Будь осторожен, — сказала она, обнимая его. — Прячь свою силу. Не доверяй никому.

— Я буду осторожен, — пообещал Одиссей. — И я буду писать. Каждую неделю.

— Каждую неделю, — повторила Рейна. — Я буду ждать.

Одиссей поцеловал её в щёку и шагнул в шлюз. Двери закрылись за его спиной, и он остался один.

Он стоял в коридоре, глядя на закрытые двери. Он чувствовал, как что-то сжимается в его груди. Что-то, что было похоже на страх. Но он не позволял себе оглянуться.

Он шёл вперёд.

Транспорт до Цереры занял три дня. Одиссей провёл их в своей каюте, читая книги о космосе и тренируясь в медитации. Он учился контролировать свою силу, учился прятать её глубоко внутри.

Он думал о матери. О её глазах, полных слёз. О её руках, которые так крепко обнимали его. Он думал о том, что оставил её одну.

Но он также думал о своём будущем. О звёздах. О приключениях. О героях.

Он вспоминал все те интересные книжки о героях, что он читал с самого детства.

Двадцать лет прошло с тех пор, как легендарный фрегат внёс решающий вклад в победу над Солийцами. Двадцать лет с тех пор, как капитан Гриф и его команда стали героями. Двадцать лет с тех пор, как Рик, стал легендой.

Одиссей читал о них всё, что мог найти. Он знал их истории наизусть. Он мечтал о том, чтобы однажды стать таким, как они.

И теперь он был на пути к своей мечте.

Лётное космическое училище на Церере было одним из лучших в галактике. Оно располагалось на крупнейшем астероиде в поясе, который когда-то был центром добычи полезных ископаемых. Теперь же здесь обучались тысячи курсантов, мечтающих о звёздах.

Одиссей вышел из транспортного корабля и остановился, глядя на открывшийся вид. Огромные купола, соединённые между собой переходами. Корабли, взлетающие и садящиеся на посадочные площадки. Курсанты в форме, спешащие по своим делам.

Это было грандиозно. Это было захватывающе. Это было именно то, о чём он мечтал.

— Новенький? — спросил чей-то голос.

Одиссей обернулся. Перед ним стоял парень его возраста, с рыжими волосами и веснушками на лице. Он улыбался широко и дружелюбно.

— Да, — ответил Одиссей. — Только что прибыл.

— Я Томас, — парень протянул руку. — Томас Кейн. Но все зовут меня Том.

— Одиссей, — ответил Одиссей, пожимая руку. — Просто Одиссей.

— Странное имя, — Том хмыкнул. — Но здесь у всех странные имена. Пойдём, я покажу тебе училище.

Том оказался болтливым. Он рассказывал обо всём — о преподавателях, о курсах, о тренировках. Он знал каждого, кто был хоть чем-то важен.

— Здесь учатся лучшие из лучших, — говорил он. — Но есть одна девушка, которая всех обходит. Астра. Она лучшая во всём — в пилотировании, в стрельбе, в тактике.

— Астра? — Одиссей нахмурился. — Тоже странное имя.

— Ага, — Том усмехнулся. — Её родители были фанатами древних мифов. Говорят, Астра — это богиня звёзд.

— Звёзд? — Одиссей посмотрел на небо, которое было видно через прозрачный купол. — Подходящее имя.

— Ты ещё не видел её, — Том загадочно улыбнулся. — Когда увидишь, поймёшь.

Одиссей не придал значения этим словам. Он думал о другом — о том, как он будет учиться, как будет тренироваться, как будет прятать свою силу.

Он не думал о девушках.

Пока не встретил её.

Это произошло на второй день.

Одиссей сидел в аудитории, ожидая начала лекции по навигации. Он смотрел в окно, на звёзды.

Дверь открылась, и вошла девушка.

Она была невысокой, с тёмными волосами, которые были собраны в хвост. Её глаза были серыми, как грозовое небо, и в них светился ум. Она двигалась уверенно, словно знала, что делает.

Она села рядом с ним.

Одиссей не обратил на неё внимания. Он был занят своими мыслями.

— Ты новенький, — сказала она.

Одиссей обернулся. Она смотрела на него с любопытством.

— Да, — ответил он. — Одиссей.

— Астра, — представилась она. — Я видела тебя вчера. Ты прилетел на транспорте.

— Ты следила за мной? — Одиссей нахмурился.

— Нет, — Астра усмехнулась. — Просто я знаю всех, кто приезжает. Это моя работа.

— Работа? — Одиссей поднял бровь.

— Я староста группы, — объяснила Астра. — Мне положено знать всё.

Одиссей кивнул и отвернулся. Он не хотел разговаривать. Он хотел быть один.

Но Астра не отставала.

— Почему ты в перчатках? — спросила она.

Одиссей замер. Он посмотрел на свои руки, на чёрные перчатки, которые скрывали его силу.

— У меня мёрзнут руки, — ответил он.

— В космосе у всех мёрзнут, — сказала Астра. — Но не все носят перчатки. Одиссей смутился. Он не знал, что ответить.

— Это... привычка, — сказал он наконец.

— Странная привычка, — Астра пожала плечами. — Но у всех свои странности.

Она улыбнулась и отвернулась. Одиссей смотрел на неё, и в его груди что-то шевельнулось. Что-то, что он не мог назвать.

Он не понимал, что это было.

Пока не стало слишком поздно.

Прошло несколько недель.

Одиссей привык к училищу. Он вставал рано, занимался, тренировался.

— Ты хорошо пилотируешь, — сказал ему инструктор однажды. — Очень хорошо.

— Спасибо, сэр, — ответил Одиссей.

— Но ты слишком замкнут, — продолжил инструктор. — Ты не общаешься с другими курсантами. Ты не участвуешь в групповых тренировках.

— Я предпочитаю работать один, — сказал Одиссей.

— В космосе ты не сможешь работать один, — инструктор покачал головой. — Ты должен научиться доверять другим.

Одиссей кивнул, но не изменил своего поведения. Он знал, что не может доверять другим.

Он знал, что отличается от всех.

Но была одна, кто не отставал от него.

Астра.

Она была лучшей в группе. Она пилотировала истребители так, словно они были продолжением её тела. Она стреляла без промаха. Она знала тактику лучше всех.

И она всегда была рядом с Одиссеем.

— Ты меня преследуешь? — спросил он однажды.

— Нет, — Астра усмехнулась. — Просто мне интересно.

— Что интересно? — Одиссей нахмурился.

— Ты, — ответила она. — Ты странный. Ты не такой, как все.

— Это плохо? — спросил Одиссей.

— Нет, — Астра покачала головой. — Это... интересно.

Одиссей не знал, что ответить. Он просто смотрел на неё, и в его груди снова что-то шевельнулось.

Он начинал понимать, что это было, но он не хотел в этом признаваться даже себе.

Тренировки были изнурительными.

Курсанты проводили часы в тренажёрах, отрабатывая пилотирование, стрельбу, тактику.

Они учились работать в команде, учились доверять друг другу.

Одиссей старался не выделяться. Он делал всё, что от него требовали, но не больше.

— Ты сдерживаешься, — повторила Астра, участвуя в совместной с ним тренировке. — Я видела, как ты пилотируешь. Ты можешь лучше. Но ты не показываешь этого.

Одиссей напрягся. Она была права.

— Я не сдерживаюсь, — сказал он. — Я просто... осторожен.

— Осторожен, — Астра усмехнулась. — Ты самый осторожный человек, которого я знаю.

— Это плохо? — спросил Одиссей.

— Нет, — Астра покачала головой. — Но это странно. Ты как будто боишься чего-то.

Одиссей молчал. Он не мог сказать ей правду.

— У всех есть секреты, — сказала Астра. — Но ты можешь доверять мне.

— Может быть, однажды, — сказал он. — Но не сейчас.

Астра кивнула и улыбнулась. Она не настаивала. Она была просто умной и умела ждать.

Прошло полгода.

Одиссей и Астра стали друзьями. Они вместе готовились к экзаменам, вместе тренировались, вместе проводили свободное время.

Астра была умной и целеустремлённой. Она мечтала стать капитаном — не просто пилотом, а командиром корабля. Она хотела вести за собой людей, хотела принимать решения, хотела быть лучшей.

— Я буду капитаном, — говорила она.

— Это большая ответственность, — ответил ей Одиссей.

— Я знаю, — Астра улыбнулась. — Но я готова.

Одиссей смотрел на неё и восхищался. Она была сильной. Она была решительной. Она была всем, чем он хотел быть.

Но он также знал, что она была недостижимой. Он был только её другом и не более, ему казалось, что это не он закрытый на самом деле, а она. Будто она боится серьёзных отношений, не спешит к ним, вот и он решил тоже не торопиться.

— Кем ты хочешь стать? — спросила Астра, продолжая их разговор.

Они сидели в библиотеке, готовясь к экзамену по тактике. Вокруг них были книги, схемы, карты.

— Я хочу служить на «Бездне», — ответил Одиссей.

— Почему именно «Бездна»? — спросила Астра.

— Потому что это легенда, — сказал он наконец. — Потому что они не боялись.

— Да и рассказы про них красиво написаны.

— Там же в этих книжках всё приукрашено, — засмеялась Астра.

— В жизни я уверена, было все по-другому.

— Ну и ладно, — ответил ей Одиссей. — Просто я об этом мечтал с детства, так что не порти мою мечту. Он тоже засмеялся.

Они посмотрели друг на друга в этот момент, когда они оба смеялись, и в этот момент что-то изменилось. Что-то, что было между ними, стало сильнее.

Одиссей хотел сказать ей о своих чувствах. Хотел признаться. Но он не решался.

— Скажу после выпускного, — подумал он. — Тогда будет время.

Одиссей ругал себя за нерешительность.

Он видел, как другие парни подходят к Астре. Как они флиртуют с ней, как приглашают на свидания. Как она улыбается им в ответ.

Он видел и ничего не делал.

— Ты трус, — говорил он себе. — Ты боишься сказать ей три слова.

Но он не мог. Он боялся, что она отвергнет его. Боялся, что потеряет друга. Боялся, что всё изменится.

Он смотрел на неё издалека и думал о том, что мог бы быть смелее. Что мог бы подойти. Что мог бы сказать.

Но он не подходил.

Он ждал. Ждал выпускного. Ждал момента, когда всё изменится.

— Скажу ей после выпускного, — повторял он. — Тогда будет время.

Он не знал, что времени не будет.

Это произошло в один день.

Одиссей сидел в аудитории, слушая лекцию по навигации. Вдруг экраны погасли, и появилось лицо диктора — серьёзное, напряжённое.

— Внимание! — сказал диктор. — Экстренное сообщение! Солийцы снова нарушили границы Объединённых Миров! Началась война!

Одиссей замер. Война. Снова война.

— Все военные силы приведены в боевую готовность! — продолжал диктор. — Курсанты лётных училищ будут направлены в зоны конфликта для завершения обучения и формирования боевых эскадрилий!

Одиссей смотрел на экран, и в его груди что-то сжималось. Война. Та самая война, которая убила его отца. Та самая война, которая разрушила его семью. Вернулась.

Он посмотрел на Астру. Она сидела рядом, и в её глазах был страх и решимость.

— Это наш шанс, — сказала она. — Наш шанс стать героями.

Одиссей кивнул. Он знал, что она права. Но он также знал, что это опасно. Что они могут погибнуть. Что они могут не вернуться.

— Мы справимся, — сказал он. — Вместе.

Астра улыбнулась и взяла его за руку.

— Вместе, — повторила она.

Они не знали, что ждёт их впереди.

Они просто держались за руки и ждали.

Ждали приказа.

Приказ пришёл через три дня.

Курсантов собрали в главном ангаре. Их было двести человек — лучшие из лучших. Они стояли в строю, слушая командира.

— Вы отправляетесь в колонию на планете Кси-9, — сказал командир. — Там вы пройдёте финальные экзамены и будете распределены в боевые эскадрильи.

— Транспорт отправляется через час, — продолжил командир. — Готовьтесь.

Одиссей пошёл в свою комнату. Он собрал вещи — немногочисленные, лёгкие. Он посмотрел на перчатки, которые лежали на столе.

Он надел их.

Он вышел из комнаты и пошёл в ангар. Астра ждала его там.

— Готов? — спросила она.

— Готов, — ответил Одиссей.

Они вошли в транспорт. Корабль был старым, потрёпанным, но на первый взгляд надёжным. Курсанты занимали свои места, переговариваясь, нервничая.

Одиссей и Астра сели рядом.

— Ты боишься? — спросила она.

— Немного, — признался Одиссей.

— Я тоже, — Астра улыбнулась. — Но это нормально. Страх помогает выжить.

— Ты всегда знаешь, что сказать, — сказал Одиссей.

— Я стараюсь, — ответила Астра улыбаясь.

Транспорт задрожал, когда двигатели включились. Корабль медленно поднялся в воздух и полетел к звёздам.

Одиссей смотрел в иллюминатор, на удаляющуюся Цереру. Он думал о матери. О её глазах, полных слёз. О её руках, которые так крепко обнимали его.

Он думал о будущем.

Глава 4

Транспорт курсантов шёл через пустынный сектор космоса.

Этот район галактики называли Пустотой — не потому, что в нём совсем не было звёзд, а потому, что между ними лежали такие огромные расстояния, что даже свет, казалось, уставал идти. Здесь не было обжитых маршрутов, не было станций, не было патрулей. Только тьма, редкие тусклые солнца и бесконечная тишина, которая давила на сознание сильнее любого шума. Зато это был самый короткий маршрут к мету их назначения.

Курсантский транспорт «Комета» — старый, перегруженный, но всё ещё крепкий корабль — медленно полз сквозь эту пустоту. Его двигатели гудели ровно, монотонно, словно колыбельную. В иллюминаторах не было привычной картины оживлённого космоса. Но даже здесь, в этом забытом Богом секторе, можно было увидеть нечто прекрасное.

За бортом, в миллионах километров, медленно вращалась туманность. Она была похожа на гигантский цветок, раскрывшийся в темноте. Её лепестки состояли из газа и пыли — багровых, золотых, изумрудных. В центре туманности рождались новые звёзды, и их свет пробивался сквозь облака, словно сквозь витраж древнего храма. Где-то дальше, за туманностью, висела россыпь звёзд — холодных, голубых, как осколки стекла. Они не мигали, а горели ровно и строго, будто наблюдали за маленьким транспортом с высоты вечности.

Одиссей сидел у иллюминатора и смотрел на это чудо. Он видел звёзды сотни раз, но каждый раз они заставляли его сердце биться чаще. В них была свобода. В них была тайна. В них было всё, к чему он стремился.

Рядом сидела Астра. Она подтянула колени к груди и тоже смотрела в иллюминатор. Но если Одиссей молчал, то она не могла молчать долго.

— Знаешь, — сказала она, — если бы я была капитаном, я бы запретила все эти перелёты в пустых секторах.

— Почему? — Одиссей обернулся.

— Потому что здесь так красиво, что курсанты забывают о дисциплине, — Астра усмехнулась. — Посмотри на них. Половина сидит с открытыми ртами, как дети в планетарии.

Одиссей посмотрел вокруг. Она была права. Курсанты прилипли к иллюминаторам, кто-то показывал пальцем на туманность, кто-то пытался сфотографировать, хотя снимок всё равно не передал бы и сотой части этого величия.

— А ты? — спросил Одиссей. — Ты тоже забыла о дисциплине?

— Я староста группы, — с важным видом ответила Астра. — Я не забываю о дисциплине. Я просто... оцениваю обстановку.

— И как обстановка?

— Красивая, — призналась она. — Но слишком тихая. Мне больше нравится, когда вокруг что-то происходит.

— Например, война? — Одиссей приподнял бровь.

— Например, жизнь, — Астра толкнула его плечом. — Не будь занудой.

Одиссей улыбнулся. С ней всегда было легко. Даже когда всё вокруг рушилось, она умудрялась шутить. Или, может, именно поэтому.

— Слушай, — сказала Астра, — а ты взял с собой запасные носки?

— Что? — Одиссей растерялся.

— Носки, — повторила она. — Мы летим на Кси-9. Там, говорят, влажность девяносто процентов. Если ты не взял запасные носки, ты пожалеешь.

— Я взял три пары, — серьёзно ответил Одиссей.

— Три? — Астра округлила глаза. — Ты оптимист.

— А ты сколько взяла?

— Семь, — сказала она. — И две пары перчаток.

Одиссей посмотрел на свои руки в чёрных перчатках.

— У меня одни, — сказал он.

— Это заметно, — Астра кивнула. — Ты их вообще снимаешь?

— Иногда.

— Когда? Когда никто не видит?

— Когда мою руки.

Астра рассмеялась. Её смех был лёгким, звонким, и он на мгновение перекрыл гул двигателей.

— Ты странный, Одиссей, и ты всегда был странным сколько я тебя знаю — сказала она.
— Но с тобой не скучно.

— Спасибо, — ответил он. — Ты тоже странная. Но мне это нравится.

Правда эта фраза прозвучала как-то многозначительно.

Они замолчали. За окном туманность медленно меняла очертания, словно дышала. Где-то в глубине её газовых облаков вспыхивали крошечные молнии — рождение новых миров, новых солнц, новых надежд.

— Как думаешь, — тихо спросила Астра, — мы победим?

Одиссей не сразу ответил. Он смотрел на звёзды и думал о том, что война — это не игра. Что победа не приходит просто так. Что за неё платят кровью.

— Не знаю, — честно сказал он. — Но я знаю, что мы будем сражаться.

— Это не ответ.

— Это всё, что у меня есть.

Астра посмотрела на него. В её глазах было что-то, чего он не мог прочесть. Что-то тёплое и немного печальное.

— Ладно, — сказала она. — Тогда давай просто доживём до Кси-9. А там разберёмся.

— Договорились, — Одиссей улыбнулся.

Они снова устали в иллюминатор. Туманность медленно уплывала назад, уступая место новой пустоте. Впереди лежали звёзды, холодные и далёкие. И где-то среди них — их будущее.

Прошло ещё несколько часов. Курсанты постепенно успокоились. Кто-то спал, откинувшись в кресле. Кто-то играл в карты. Кто-то читал с планшета. Томас Кейн, рыжий и веснушчатый, сидел через два ряда и пытался флиртовать с девушкой по имени Лира — высокой блондинкой с холодными голубыми глазами. Лира игнорировала его с олимпийским спокойствием.

— Она меня не замечает, — пожаловался Томас, обернувшись к Одиссею.

— Может, потому что ты называешь её «Лирочка-дырочка»? — предположил Одиссей.

— Это ласково! — возмутился Томас.

— Это ужасно, — Астра поморщилась. — Том, ты когда-нибудь думал, что девушкам не нравится, когда их называют «дырочками»?

— Но я же с любовью!

— С любовью или без, — Астра покачала головой, — это звучит как название для пончика.

Томас открыл рот, чтобы возразить, но потом закрыл. Он явно не ожидал такого сравнения.

— Ладно, — сказал он. — А что мне делать?

— Попробуй просто поговорить с ней, — предложил Одиссей. — Без «дырочек». Без «ласковых» прозвищ. Просто «привет, как дела».

— Это скучно.

— Это работает.

Томас вздохнул и отвернулся. Одиссей и Астра переглянулись и одновременно прыснули.

— Ты знаешь, что у тебя смех как у чайки? — спросила Астра.

— А у тебя как у гиены, — парировал Одиссей.

— Гиены милые!

— Гиены едят падаль.

— Зато они смеются. Как я.

Одиссей закатил глаза, но улыбка не сходила с его лица.

— Слушай, — сказала Астра, став серьезнее. — А что ты будешь делать, когда мы прилетим на Кси-9?

— Пройду экзамены, — ответил Одиссей. — Постараюсь попасть в боевую эскадрилью.

— А потом?

— Потом... — он задумался. — Потом буду служить. Сражаться.

— Ты всё ещё мечтаешь о «Бездне»? — Астра улыбнулась.

— Это не мечта, — сказал Одиссей. — Это цель.

— А ты? — спросил Одиссей. — Что ты будешь делать?

— Стану капитаном, — уверенно сказала Астра.

— Смотрю, ты так и не передумала.

— И ты не боишься?

— Боюсь, — призналась она. — Но страх — это нормально. Главное — не давать ему управлять тобой.

Одиссей посмотрел на неё. Она была сильной. Она была решительной. Она была всем, чем он хотел быть, а потом сказал.

— Ты лучшая во всём. Пилотирование, стрельба, тактика. Ты староста. Ты лидер. А я...

— А ты прячешься, — закончила Астра. — Ты сидишь в тени и делаешь вид, что ты обычный. Но я видела, как ты пилотируешь. Я видела, как ты думаешь. Ты не обычный, Одиссей. Ты просто боишься это показать.

— Я не боюсь, — соврал он.

— Врёшь, — Астра улыбнулась. — Но это нормально. Все боятся. Даже я.

— Ты? — Одиссей удивился. — Чего ты боишься?

— Одиночества, — просто сказала она. — Боюсь остаться одна. Боюсь, что все, кого я люблю, уйдут. И я останусь одна в пустом космосе.

Одиссей смотрел на неё и не знал, что сказать. Он хотел сказать, что не уйдёт. Что он всегда будет рядом. Но слова застряли в горле.

— Ладно, — Астра тряхнула головой, отгоняя грусть. — Хватит философии. Давай лучше обсудим, какие у нас будут позывные.

— Позывные?

— Ну да. В боевых эскадрильях у всех есть позывные. Я хочу что-то крутое. Например, «Звезда».

— «Звезда»? — Одиссей усмехнулся. — Это слишком пафосно.

— А что ты предлагаешь? «Гиена»?

— Нет! — Одиссей засмеялся. — Хотя... «Гиена» звучит устрашающе.

— Я не буду «Гиеной»! — Астра толкнула его.

— Ладно, ладно. А как насчёт «Кометы»?

— Это уже есть. Это название корабля.

— Тогда «Аврора».

— Это станция.

— «Туманность»?

— Слишком длинно.

Они спорили ещё минут десять, перебирая варианты. В конце концов, Астра остановилась на «Звезде», а Одиссей — на «Страннике».

— «Странник»? — Астра приподняла бровь. — Почему?

— Потому что я всегда в пути, — ответил Одиссей. — И потому что я странный. Ты сама так сказала.

Астра улыбнулась и покачала головой.

— Ты невозможен.

— Но ты меня терпишь.

— Терплю, — согласилась она. — Не знаю почему, но терплю.

Они замолчали, глядя друг на друга. В этот момент между ними что-то было. Что-то, что не требовало слов. Что-то, что было важнее любых признаний.

Внезапно на мостике «Кометы» ожил сигнал радара.

Капитан Вэл Росс — пожилой мужчина с седыми висками и усталыми глазами — оторвался от стакана с остывшим кофе. Он воевал двадцать лет назад, но так и не научился любить войну. Он просто умел делать свою работу.

— Что там? — спросил он, подходя к тактическому дисплею.

Навигатор, молодой лейтенант с бледным лицом, быстро нажимал клавиши.

— Неопознанный корабль, сэр, — доложил он. — Появился из-за границы сектора. Идёт на сближение.

— Один?

— Один.

Капитан нахмурился. В Пустоте не должно было быть кораблей. Здесь не летали торговцы, здесь не патрулировали военные. Здесь не было ничего, кроме тьмы.

— Что это за корабль? — спросил Росс, вглядываясь в экран.

Корабль на дисплее выглядел странно. Он не был похож ни на земные суда, ни на солийские. Его корпус был чёрным, словно обсидиан, и каким-то неправильным — угловатым, асимметричным, будто его собирали не инженеры, а безумные художники. На поверхности виднелись светящиеся прожилки — тонкие линии, которые пульсировали тускло-фиолетовым светом. Оружие на нём тоже было необычным: не пушки, не лазеры, а странные наросты, похожие на кристаллические шипы. Они медленно поворачивались, словно приносясь.

— Не могу опознать, сэр, — ответил навигатор. — Этой модели корабля нет в наших базах данных.

— Ни в одной? — переспросил капитан.

— Ни в одной, — навигатор покачал головой. — Это не Земля. Это не Солийцы, ну или они только корабль новой модификации, с которой мы ранее не встречались. Или это... что-то другое.

— Что-то другое, — повторил капитан. — Ты понимаешь, что это значит?

— Что это не по нашей части, сэр?

— Это значит, что мы не знаем, чего от них ожидать, — капитан сжал зубы. — А когда не знаешь врага, ты уже проиграл.

Он посмотрел на экран ещё раз. Корабль приближался. Медленно, уверенно, словно хищник, который знает, что добыча не уйдёт.

— Связь с училищем, — приказал капитан. — Передать сигнал бедствия. Код «Омега».

— Есть, сэр.

— И поднять всех по тревоге. Я хочу, чтобы каждый курсант был пристёгнут. Немедленно.

— Есть!

Капитан смотрел на приближающийся корабль и чувствовал, как холод сжимает его сердце. Он видел многое. Слишком многое. И он знал, что этот корабль не просто так появился здесь.

— Дай мне связь с ним, — сказал он. — Попробуем договориться.

— Сэр, они не отвечают на стандартные частоты.

— Тогда на любых других. Я хочу знать, кто они и что им нужно.

Навигатор пытался наладить связь, но безуспешно. Корабль молчал. Он просто приближался.

— Сэр, — сказал навигатор, — они активируют оружие.

Капитан посмотрел на экран. Фиолетовые прожилки на корпусе вспыхнули ярче. Кристаллические шипы выдвинулись вперёд, и по корпусу прошла волна энергии.

— Это ошибка, — сказал капитан, на всех доступных ему частотах радиоканала. — Мы не военные. Мы...

Первый залп ударил без предупреждения.

«Комету» трянуло так, что капитан едва удержался на ногах. На мостике завывла сирена. Красные лампы замигали, заливая всё тревожным светом.

— Доклад! — крикнул Росс.

— Пробоина в четвёртом отсеке! — ответил инженер. — Разгерметизация! Пожар в коридоре!

— Перекрыть! Немедленно перекрыть!

— Не можем, сэр! Дверь заклинило!

— Тогда выбивайте! У нас там люди!

Капитан бросился к штурвалу. Он оттолкнул пилота и взял управление на себя. Его руки, старые и покрытые шрамами, уверенно легли на панель.

— Держитесь! — крикнул он в громкоговоритель. — Всем занять места! Пристегнуться!

Он потянул штурвал на себя, заставляя транспорт уйти вверх. Двигатели взвыли, но «Комета» была не истребителем. Она разворачивалась медленно, тяжело, словно раненый кит.

— Курс на туманность! — приказал капитан. — Спрячемся в газовых облаках!

— Они быстрее, сэр! — ответил навигатор. — Они уже заходят нам в хвост!

— Тогда летим к ближайшей планете, которая тут есть неподалёку.

Капитан выругался. Он знал, что у них нет шансов. «Комета» не была боевым кораблём. У неё не было ни мощных щитов, ни орудий, ни манёвренности. Только старый корпус, который держался на честном слове.

— Это точно новая модификация солийского разведчика, — пробормотал он. — Они снова что-то придумали. Твари.

Он развернул корабль, пытаясь уйти от второго залпа. Но враг был быстрее. И мощнее. И безжалостнее.

— Лево на борт! — крикнул капитан. — Полный ход!

— Двигатели на пределе, сэр! — ответил инженер. — Они не выдержат!

— Они должны выдержать! У нас двести курсантов на борту, это считай ещё дети!

Капитан знал, что говорит глупости. Знал, что двигатели старые, что корпус ржавый, что у них нет никаких шансов. Но он также знал, что не может сдаться. Не может позволить себе остановиться. Потому что, если он остановится — погибнут все.

— Передать курсантам! — приказал он. — Пусть готовятся к эвакуации! Шлюпки на выход!

— У нас только четыре шлюпки, сэр! — ответил помощник. — На двести человек!

— Я знаю! — капитан ударил кулаком по панели. — Я знаю.

Он смотрел на экран. Враг приближался. Ещё один залп — и они трупы. Капитан сжал штурвал так, что побелели костяшки.

— Если мы умрём, — сказал он тихо, — мы умрём как солдаты. Не как жертвы.

Следующий залп пробил обшивку в четвёртом отсеке.

Металл разорвало, как бумагу. Воздух с рёвом устремился в космос, унося с собой обломки, инструменты, незакреплённые вещи. В коридорах завыл ветер, которого не должно было быть. Курсанты, которые находились рядом, попадали на пол, хватаясь за поручни. Кто-то закричал. Кто-то заплакал.

— Что происходит?! — закричал Томас, вцепившись в кресло. — Нас атакуют?!

— Это не учебная тревога! — ответил кто-то.

— Мы умрём! — завопила девушка в дальнем ряду. — Мы все умрём!

Паника началась мгновенно. Курсанты вскакивали с мест, метались по салону, не понимая, что делать. Инструкторы пытались их успокоить, но их голоса тонули в общем крике.

— Всем оставаться на местах! — кричал инструктор Харт, пожилой мужчина с суровым лицом. — Это приказ!

— К чёрту приказы! — закричал кто-то. — Мы хотим жить!

— Если вы не сядете, вы умрёте! — Харт схватил одного из курсантов за плечо и силой усадил его в кресло. — Пристегнитесь! Немедленно!

Но его уже никто не слушал.

Одиссей схватил Астру за руку.

— Держись за меня! — крикнул он.

— Что? — Астра смотрела на него с ужасом.

Он не думал. Он действовал. Инстинкт, вложенный в него кровью Гериха, сработал быстрее разума.

— Не отпускай! — крикнул он.

— Одиссей! — Астра пыталась вырваться. — Что ты делаешь?!

— Молчи! Просто держись!

Корабль тряхнуло снова. Люди попадали. Кто-то ударился о стену, кто-то вскрикнул от боли. По полу покатались незакреплённые ящики. Свет мигнул и погас, оставив только красные аварийные лампы.

Очередной залп уничтожил двигатели.

Взрыв был оглушительным. «Комету» развернуло, словно игрушку. Корпус застонал, металл заскрипел, и в машинном отделении вспыхнуло пламя. Двигатели замолчали — один за другим. Транспорт потерял ход и начал медленно вращаться, подчиняясь законам космоса.

— Двигатели мертвы! — закричал инженер. — Мы не можем уйти!

— Аварийное питание! — приказал капитан. — Передать сигнал бедствия! Всем готовиться к эвакуации!

Одиссея сильно тряхнуло. Его отбросило в сторону, ударило о кресло, и на мгновение в глазах потемнело. Он попытался удержать Астру, но паника вокруг была сильнее. Люди бежали, кричали, толкались. Кто-то схватил его за плечо, кто-то оттолкнул.

— Астра! — закричал он.

Но её руки больше не было в его руке. Толпа курсантов в панике оттеснила девушку.

— Астра!

Он вскочил, пытаясь найти её в мешанине тел и теней. Красные лампы мигали, выхватывая из темноты перекошенные лица, раскрытые рты, полные ужаса глаза. Где-то кричал Томас. Где-то плакала девушка. Где-то капитан отдавал последние приказы.

А Астры нигде не было.

— Астра! — снова закричал Одиссей.

Ответа не было. Только гул, крики и медленное вращение корабля, который уже никуда не летел.

Он остался один в панике, которая поглощала всё вокруг.

И где-то в темноте, за обшивкой, враг готовился нанести последний удар.

Одиссей бросился вперёд, расталкивая людей. Он не думал о себе. Он не думал о корабле. Он думал только о ней.

— Астра! — кричал он. — Астра, где ты?!

Он споткнулся о чьи-то ноги и упал. Кто-то наступил ему на руку. Кто-то закричал прямо в ухо. Боль была острой, но он не обращал внимания. Он поднялся и снова побежал.

— Астра!

Глава 5

«Комета» падала.

Это не было похоже на управляемое снижение или аварийную посадку. Это было падение — хаотичное, беспомощное, смертельное. Корабль вращался вокруг своей оси, словно гигантская воронка, затягивающая всё в себя. Внутри царил ад.

Капитан Вэл Росс держался за штурвал, хотя понимал, что тот больше не слушается. Двигатели были мертвы. Навигация мертва. Связь мертва. Осталось только гравитационное поле планеты — коричневатого-серого шара, который медленно приближался в иллюминаторе.

— Все системы отказали! — кричал инженер. — Мы падаем!

— Я вижу! — рявкнул капитан. — Доложить обстановку!

— Корпус разрушается! Третий и пятый отсеки разгерметизированы! Пожар в машинном отделении! Курсанты...

— Что курсанты?!

— Они в панике, сэр! Инструкторы не могут их удержать!

Капитан выругался. Он знал, что это произойдёт. Знал, что старый транспорт не выдержит боя. Но он надеялся. Надеялся, что успеет увести их. Надеялся, что враг отстанет. Надеялся на чудо.

Чуда не случилось.

— Всем покинуть корабль! — закричал он в громкоговоритель. — Повторяю: всем покинуть корабль! Спасательные капсулы — на выход! Немедленно!

Он отстегнулся и бросился к выходу с мостика. Помощник схватил его за руку.

— Сэр, вы должны идти! — сказал он. — Я останусь...

— Нет, — капитан покачал головой. — Ты идёшь. Я останусь до конца.

— Сэр...

— Это приказ, лейтенант. Уходи.

Помощник замер. В его глазах был страх и уважение. Он кивнул и побежал к капсулам.

Капитан остался один на мостике. Он смотрел на планету, которая становилась всё больше. Коричневато-серый шар, покрытый облаками. Незвестный мир. Возможно, их последнее пристанище.

— Что ж, — пробормотал он. — По крайней мере, я умру на твёрдой земле.

Он сел в кресло, пристегнулся и закрыл глаза.

В пассажирском отсеке творился хаос.

Курсанты метались по салону, не понимая, что делать. Инструкторы пытались навести порядок, но их голоса тонули в общем крике. Кто-то плакал. Кто-то молился. Кто-то пытался пробиться к спасательным капсулам.

— Всем оставаться на местах! — кричал инструктор Харт. — Это приказ!

— К чёрту приказы! — закричал курсант с разбитым лицом. — Мы умрём, если останемся!

— Если вы побежите, вы умрёте быстрее!

— Спасательные капсулы! — закричал кто-то. — Где спасательные капсулы?!

— Там! В кормовом отсеке!

Толпа хлынула в корму. Люди толкались, падали, поднимались и снова бежали. Это была не эвакуация — это было бегство. Животное, первобытное, лишённое разума.

Одиссей не бежал.

Он стоял на месте, держа Астру за руку. Её лицо было бледным, но она не паниковала. Она смотрела на него, и в её глазах была решимость.

— Мы должны идти, — сказала она.

— Знаю, — ответил он. Он не мог ей просто признаться в том, что он не много растерялся в этой ситуации. Этому их не учили.

Он посмотрел вокруг. В салоне оставались ещё люди — те, кто не успел, те, кто был ранен, те, кто просто замер от страха. Их было много. Слишком много.

— Одиссей, — Астра потянула его за руку. — Пойдём! Если всё делать правильно, мы успеем в капсулу.

Уверенные слова Астры привели его в порядок, и они начали действовать.

Они побежали. Коридор был задымлён, лампы мигали, пол накренился всё сильнее. Корабль стонал, как умирающий зверь.

В кормовом отсеке было ещё хуже. Толпа сгрудилась у спасательных капсул — их было всего четыре. Четыре капсулы на двести человек.

— Только не это, — прошептал Одиссей.

Он увидел, как курсанты дерутся за места. Кулаки, крики, кровь. Люди, которые ещё вчера вместе тренировались, вместе смеялись, вместе мечтали о звёздах, теперь рвали друг друга на части.

— Пусти! — кричал парень с окровавленным лицом. — Я первый!

— Нет, я!

— Отвали!

Инструктор Харт пытался их разнять, но его оттолкнули. Он упал, ударился головой о переборку и затих.

— Астра, — Одиссей повернулся к ней. — Слушай меня.

— Что?

— Ты должна попасть в капсулу.

— А ты?

— За меня не переживай, я найду другую.

— Врёшь, — Астра сжала его руку. — Ты врёшь. Их только четыре, все не поместятся.

— Астра...

— Ты должна!

Он посмотрел на неё. В его глазах была боль. И любовь. Та самая любовь, которую он так и не решился произнести вслух.

— Астра, — сказал он тихо. — Пожалуйста.

Она открыла рот, чтобы возразить, но в этот момент толпа снова хлынула вперёд. Их разделили. Одиссей попытался удержать её руку, но пальцы соскользнули.

— Астра!

— Одиссей!

Он увидел, как её оттеснили к одной из капсул. Как чьи-то руки схватили её, втолкнули внутрь. Как она попыталась выбраться, но дверь уже закрывалась.

— Астра! — закричал он, пробиваясь сквозь толпу.

Он увидел её лицо в иллюминаторе капсулы. Она смотрела на него. Её губы шевелились.

— Одиссей!

Он не слышал её голоса. Но он видел её глаза. Видел слёзы.

Он поднял руку.

— Астра! — закричал он. — Я здесь! Я вижу тебя!

Она прижала ладонь к стеклу. Он тоже. Между ними было всего несколько метров. И целая жизнь.

Механизм капсулы сработал. Замки защёлкнулись. И капсула отстыковалась.

Одиссей смотрел в иллюминатор и видел, как она летит вниз. К неизвестной планете.

— Астра...

Он не двигался. Не мог. Просто стоял и смотрел.

Одна за другой от стыковывались остальные капсулы. Три. Четыре. Они улетали вниз, к планете, оставляя за собой тонкие следы.

В отсеке остались те, кто не успел. Их было много. Слишком много.

Одиссей слышал их крики. Крики отчаяния. Крики ужаса. Крики людей, которые знали, что умрут.

Он не кричал. Он просто стоял.

А потом пошёл.

Он не бежал. Не толкался. Он просто шёл к своему месту. К креслу, в котором сидел совсем недавно. К креслу, где он держал Астру за руку и говорил о носках.

Он сел. Пристегнулся обычным ремнём безопасности. Тем самым, который не спасёт от падения.

В иллюминаторе он видел капсулу. Ту самую, в которой была Астра. Она падала на планету. Быстро, но плавно. Капсулы были рассчитаны на вход в атмосферу.

— Живи, — прошептал он. — Пожалуйста. Живи.

Он смотрел, как капсула исчезает в облаках.

Потом надел шлем. Герметичный. Полный. Теперь его костюм был готов.

И тогда он сделал то, что обещал никогда не делать.

Он создал щит.

Энергия потекла через его тело. Тёплая, пульсирующая, живая. Она вырвалась наружу, окутывая его коконом. Защитное поле — невидимое для приборов, но видимое для глаз. Оно мерцало, как полярное сияние.

Одиссей больше не боялся. Ему было всё равно, кто увидит. Кто осудит. Кто испугается.

Он просто хотел жить и это был его последний шанс.

Он посмотрел в сторону. Томас сидел в двух рядах от него. Пристёгнутый. С огромными глазами.

Он смотрел на Одиссея. На его светящееся тело. На энергетический щит.

Он не кричал. Не звал на помощь. Не проклинал.

Он просто смотрел.

Одиссей запомнил этот взгляд. На всю жизнь.

— Том, — сказал он. — Держись.

Томас открыл рот, чтобы ответить. Но не успел.

Корабль вошёл в атмосферу.

Это было похоже на конец света.

Корпус «Кометы» раскалился докрасна. Металл плавился, обшивка срывалась кусками, словно листья на ветру. Корабль трясло так, что зубы стучали. Внутри всё горело — панели, кресла, люди.

Одиссей закрыл глаза. Он чувствовал, как щит держит удар. Как энергия поглощает тепло. Как его тело остаётся целым, когда всё вокруг разрушается.

Он слышал крики. Слышал, как замолкают голоса один за другим. Слышал, как Томас перестал дышать.

А потом был удар.

Оглушительный. Ослепительный. Финальный.

Одиссей потерял сознание.

Он пришёл в себя от боли.

Всё тело ныло, но это давало осознание того, что он был жив. Голова раскалывалась. В ушах стоял звон. Он лежал на чём-то твёрдом и холодном. Металл. Обломки.

Он открыл глаза. Над ним было небо. Голубовато-серое, затянутое облаками. Чужое небо. Чужой мир. Его щит выдержал удар, его сила спящая внутри спасла его.

Он попытался встать. Получилось не сразу. Тело слушалось плохо, словно чужое. Но он поднялся. Опираясь на обломки, на камни, на что-то, что когда-то было стеной корабля.

Вокруг был хаос. Разрушенный корпус «Кометы» лежал, разбросанный по равнине. Огромные куски металла, дымящиеся, искореженные. Пожар уже почти погас — атмосфера планеты была слишком бедной кислородом. Только тонкие струйки дыма поднимались к небу.

Одиссей посмотрел на свои руки. Перчатки были целы. Костюм тоже. Щит исчез, но он сделал своё дело.

Он выжил.

Он огляделся. Вокруг были тела. Курсанты, которые не успели в капсулы. Они лежали среди обломков, искалеченные, неподвижные. Он узнал некоторых. Девушка из третьего ряда. Парень, который играл в карты. Инструктор Харт.

И Томас.

Он лежал в нескольких метрах. Его глаза были открыты. Он смотрел в небо. Но уже не видел его.

Одиссей подошёл. Опустился на колени. Закрыв ему глаза.

— Прости, — прошептал он. — Прости, что не спас.

Он сидел рядом минуту. Может, две. Потом встал.

Он не мог здесь оставаться. Не мог смотреть на это. Ему нужно было найти выживших.

Он пошёл.

Планета была пустынной. Серые скалы, песок, редкие кусты, похожие на засохшие водоросли. Ветер был слабым, но холодным. Атмосфера была — он чувствовал, как она давит на костюм. Но дышать ею было нельзя. Слишком мало кислорода. Слишком много азота и чего-то ещё, неизвестного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.